

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ»

ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ:
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Сборник материалов
II Всероссийской научно-практической конференции
13 апреля 2023 г.

Краснодар
2023

**ДОЛЬМЕНЫ АБХАЗИИ: КОНВЕРГЕНЦИЯ ИЛИ МИГРАЦИЯ
ИДЕИ? (КАВКАЗСКО - СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ УЗЕЛ
АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ).
В ПОРЯДКЕ РАБОЧЕЙ ГИПОТЕЗЫ**

Д.А. Канделаки²

**Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Академии наук Абхазии
Государственный историко-архитектурный заповедник
«Великий Питиунт»
Научно-исследовательский центр PONTO-CAUCASICA и
Школа подготовки экскурсоводов**

Аннотация. В статье приводятся новые данные историко-культурного характера по проблеме генезиса дольменной культуры на Кавказе и непосредственно на территории Абхазии. Появление дольменов рассматривается в ключе активизации древних торгово-экономических связей и распространения религиозных доктрин. Технологический контекст этих процессов напрямую связан с ранним этапом активизации кораблестроения и морских каботажных плаваний. Появление дольменов на территории Абхазии как части феномена мегалитизма, есть не прямой контакт, а вероятно, многоступенчатый эстафетный – в ходе активных экономических связей крупных металлургических центров Восточного Причерноморья с населением Малой Азии и Эгеиды. Следы таких связей обнаруживаются в незначительном количестве языковых корреспонденций и контактов с представителями древнего реликтового доиндоевропейского населения с носителями языков западнокавказской семьи. Дольмены распространились на территории побережья Абхазии в результате обоюдных регулярных либо эпизодических контактов, способствовавших распространению этой мегалитической традиции. В этом смысле дольменная культура – это ни что иное как самое раннее и яркое свидетельство доколониционных связей Причерноморья с миром Средиземноморья.

Ключевые слова: Абхазия, Западный Кавказ, Восточное Причерноморье, Средиземноморье, Эгеида, дольмены, западнокавказские языки, тирренские языки, баски, ливиио-гуанчские языки.

² Канделаки Давид Автандилович – научный сотрудник Отдела истории Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии Наук Абхазии, Главный хранитель Пицундского археологического музея, Директор Научно-исследовательского центра PONTO-CAUCASICA и Школы подготовки экскурсоводов.

Дольмены Абхазии как часть дольменных культурных традиций Западного Кавказа составляют часть уникального феномена мировой истории – феномена «мегалитизма» и являются одними из наиболее изученных в археологической науке [1; 3, с. 5 -12; 4; 7, с. 77-126; 8, с. 30-83; 9, с. 326-349; 15; 16; 24, с. 128-133; 27, с. 133-138; 28, с. 1-39; 29; 31, с. 101-178; 33; 34; 35, с. 108-124; 36, с. 83-119; 37; 38; 50; 51, с. 74-81; 52, с. 32-38; 53, с. 156-163; 54, с. 412-422; 55, с. 18-27; 56, с. 9-16; 57, с. 85-123; 58, с. 48; 59, с. 82-86; 64, с. 169-184; 65, с. 111-118; 68, с. 69-100; 72, с.; 73, с. 100-107.; 74, с.37-38.; 75, с. 115-119; 76, с. 78-94.; 77; 83.]. Однако при всех сторонах изученности проблемы археологической атрибуции дольменов, их функционального назначения, а также инженерно-строительных технологий, остается ряд нерешенных проблем в их изучении. Среди них – генезис самой традиции «дольменотворчества» на Кавказе, является ли эта традиция результатом конвергентного развития или результатом инвазии населения, принесших, его традицию вместе с собой, либо это лишь перенос и миграция идеи, а если да, то откуда шел этот импульс и кем он привнесен? В науке подобные вопросы, несомненно, неоднократно ставились, и в этом смысле авторская статья не претендует на некое новаторство и однозначно займет скромное место в ряду уже известных теорий и гипотез.³

Для начала необходимо дать небольшой обзор географии и хронологии «дольменотворчества». Дольмены представляют собой группу сооружений, входящую в состав более обширной категории памятников, именуемых мегалитами. В этом смысле традиция мегалитизма составляет более обширное понятие «камнестроительства».⁴ В статье мы затрагиваем лишь те мегалитические памятники, которые в науке известны именно как дольмены. Таким образом, круг сопоставления памятников «дольменостроительства» в статье нами будет ограничен только рамками «Большого Средиземноморья» и «Большого Причерноморья».

Следует отметить, что в научной традиции давно сложилось представление, что дольмены Средиземноморья – это единственные памятники, которые имеют конструктивные и архитектурные особенности, схожие с дольменами Западного Кавказа. Установлено, что дольмены «Большого Средиземноморья» создавались древнейшими потомками шедших в Европу и, вероятно, в Северную Африку неолитических земледельцев и скотоводов из древней Анатолии и Ближнего Востока. Самые ранние мегалитические памятники Средиземноморья относятся к периоду конца VI – нач. V тыс. до н.э. Несомненно то, что истоки мегалитизма в Средиземно-

³ Обширный историографический обзор проблемы генезиса дольменных культуры дан в ряде работ, и здесь нет необходимости повторять его [15; 33; 34; 35, с. 108-124; 36; 37; 38; 72.].

⁴ Не следует забывать, что «камнестроительство» – это универсалия, и при желании его можно распознать во многих памятниках циклопической архитектуры земного шара.

морье следует искать среди ряда культовых памятников Древнего Ближнего Востока, к которым, очевидно, относится и такой эталонный памятник, как Гебекли-Тепе. В самых общих чертах известен следующий сценарий распространения феномена «мегалитизма» в Средиземноморских областях. По-видимому, самые ранние формы мегалитизма формируются в областях Северной Месопотамии и Восточной части полуострова Малая Азия, затем в период миграции неолитического населения в сторону Средиземноморья, включая Западное Средиземноморье, Северное побережье Африки и Балкано-Эгипетские области, в этих регионах, спустя определенное время, формируются традиции «мегалитизма».⁵ В дальнейшем они послужили толчком распространения этого феномена с одной стороны в области Атлантического побережья Европы, а с другой стороны – в области Большого Причерноморья. Освоение неолитическими мигрантами Средиземноморья осуществлялось по североафриканскому и южноевропейскому побережью, а островные зоны, очевидно, уже в эпоху позднего неолита осваивались с помощью древних плавательных средств, а именно – больших долбленных лодок и даже протокораблей [5; 12, с. 600-619; 22, с. 191-204; 25, с. 32-113; 30, с. 630-649; 66; 67; 79.]. Что касается самой архитектурной и конструктивной особенности, то дольмены Кавказа, несомненно относятся к семейству мегалитических памятников «Большого Средиземноморья». В вопросе о функциональном назначении дольменов Кавказа практически все единодушны – это погребальные памятники, культовые места и со всей очевидностью – обозначение территориальной собственности. Что касается проблемы генезиса традиции «дольменостроительства» на Кавказе и непосредственно в Абхазии, ряд данных все-таки говорит о том, что сама идея «дольменотворчества» не имеет местных кавказских корней; перечислим основные признаки для этого утверждения.

1. Географическая локальность дольменов на Кавказе, которая представляет собой по сути мегалитический остров и самый отдаленный, крайний северо-восточный ареал мегалитизма в «Большом Средиземноморье». Даже в пределах Кавказа он как будто бы четко, а лучше сказать – резко ограничен, а в пределах Абхазии, образуя самую южную и древ-

⁵ В ряде случаев предполагается, что создателями мезолитических культовых сооружений Северной Месопотамии и, вероятно, Юго-Восточной Анатолии типа памятников Гебекли-тепе, были носители древних языков, возможно, отдаленных предков таких архаичных представителей как хатты либо какие-то носители иных, не сохранившихся языковых традиций, не оставивших потомков в современном языковом ландшафте. Не следует забывать, что тот памятник, который нам всем известен как Гебекли-тепе, по сути представляет собой лишь самый поздний этап его функционирования. Несомненно, существовали и еще более ранние постройки, вероятно, первоначально даже деревянные.

нюю на всем Кавказе «Абхазскую» группу, они не уходят дальше реки Кодор.⁶

2. Более поздние хронологические позиции дольменов западного Кавказа и непосредственно дольмены Абхазии по отношению к мегалитам Средиземноморья. Все дольмены Кавказа – это, несомненно, в лучшем случае канун ранней бронзы с натяжкой последние этапы IV – нач. III тыс. до н.э. В то же время мегалиты Европы и Средиземноморья в целом старше как минимум на два тысячелетия.

3. Очевидно, самые ранние дольмены приурочены к побережью Черного моря, и потому дольмены Абхазии на Кавказе наидревнейшие.

4. Европейские и средиземноморские дольмены в целом роднит одно самое главное – это погребальные комплексы и места сакрализации культовых мест. Вероятно, в основе мировоззрения лежит солнцепоклоннический культ.

5. Отсутствие сколько-либо достоверных свидетельств эволюции идеи «дольменотворчества» (не путать с недостроенными или перестроенными дольменами) на самом Кавказе.

6. Очевидный факт наличия в Абхазии и соседних районах иных, более ранних форм «мегалитизма» в виде «культовых камней» и, по мнению автора, хронологически более архаичных мегалитических памятников, в частности, «кромлехов».

Все вышеперечисленное вновь делает необходимым возможность взглянуть на генезис дольменов на Кавказе. Полагаем, что ключ в решении этой проблемы лежит в понимании того, что становление «дольменотворчества» должно быть неразрывно связано с процессами этнокультурного развития в средиземноморском регионе, а также с процессами активизации торгово-экономических связей древних обществ Причерноморья и Средиземноморья.⁷ Причиной тому стали природно-климатические процессы похолодания и аридизации, вызвавшие коллапс культур конца энеолита Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, в период IV тыс. до н. э. [10; 44, с. 48-50; 70, с. 18-26; 71, с.; 75, с. 115-119; 81, с.10-27; 32, с. 94-97.]. Это повлекло за собой ряд важных технологических прорывов, а в последствии и создание технологии производства бронзы, в котором общества Восточного Причерноморья сыграли ведущую роль. Формирование крупных металлургических центров в Причерноморье способ-

⁶ Что касается попыток обнаружения дольменов к востоку от реки Кодор; все они носят сугубо предположительный характер, и по сути факт не установленный. Это касается и обнаруженной недавно плиты с отверстием, которая явно является частью дольмена, обнаруженного в Ткварчалском районе. Но, возможно в этом случае пока не известно, является это остатком дольмена или эта плита перевезена [15; 69, с. 76-84].

⁷ Идея не нова и, разумеется, высказывалась и ранее. Авторская интерпретация в данной статье, в отличие от предыдущих работ, акцентирует внимание не на археологическом, а больше на этнокультурном аспекте проблемы.

ствовало усилению торгово-экономических связей не только с освоением континентальных, но и морских торговых путей.⁸ Именно эти процессы, по сути, и спровоцировали начало активного кораблестроения и становление сети каботажных транспортных коммуникаций [18, с. 14-27; 20; 21, с. 37-54; 67]. Таким образом, именно в период перехода к производству металлургии бронзы усилились контакты населения различных областей, что наводит на мысль о том, что каким-то образом эти два крайних полюса, Средиземноморский и Причерноморский как-то пересеклись. Очевидным выглядит и тот факт, что распространение строительства дольменов, несомненно, совпадает и с началом активного кораблестроения в Средиземноморье. Этот процесс мог также охватить и Причерноморье, и морская торговля стала основным источником появления дольменных традиций на побережье Абхазии. В этой связи необходимо поднять еще одну проблему, которая должна стать подспорьем в рассмотрении данной статьи. Речь идет о том, что, несомненно, создатели традиции мегалитизма в Средиземноморье должны как-то зафиксироваться в древней этноязыковой картине, или древнем этнолингвистическом ландшафте того периода. В этом отношении география Средиземноморского «мегалитизма» должна нами рассматриваться непосредственно в контексте истории населения носителей древних средиземноморских языков, куда входили реликтовые языки Южной и Западной Европы, островного Средиземноморья, Северной Африки и Древнего Востока. Все они, по сути, являются древними доиндоевропейскими реликтовыми народами и языками, наследием древнего, вероятно, даже палео-мезолитического населения интересующих нас областей [2, с. 97-110; 11, с. 75-94; 14, с. 208-218; 17, с. 13-16; 19, с. 51-70; 39, с. 34-42; 40; 42, с. 60-73; 43, с. 26-34; 80, с. 5-16; 82, с. 95-105.]. Среди них условно выделяют: «палеоиберийские» языки, «палео/древнесредиземноморские» языки, «палеобалканские» языки.⁹ Помимо прочего, данные лингвистики дают основание считать, что в Средиземноморье могли располагаться древние ареалы и ныне существующих языковых семей, к примеру, севернокавказской и ливиио-гуанчской [14, с. 208-218; 82, с. 95-105; 42, с. 60-73; 43, с. 26-34; 60]. В этом отношении

⁸ Несомненно, эти природно-климатические события послужили причиной активизации месопотамских центров протогородских цивилизаций в сторону создания крупных торговых артерий с более северными областями, в частности, с Кавказом. Главная цель этих торговых связей – создание прочных баз снабжения металлами. Именно так формировались культуры Кавказа, в частности «Майкопская», «Лейлатепинская» и, вероятно, «Куро-Аракская». Однозначно, речь может идти и о том, что буквально отдельные группы месопотамских торговцев проникали в эти области. Морские связи, по сути, – это другая сторона того же процесса, который охватил области Средиземноморья и Причерноморья.

⁹ Несомненно, следует констатировать факт, что в Эгейдо-Балканском регионе, наверное, уже располагались и очень ранние группы индоевропейского населения [80, с. 5-16].

представляет интерес факт зафиксированных контактов между ливиио-гуанчской и западнокавказской семьями языков.¹⁰ Данные лингвистики дают возможность поднять вопрос о географических очагах, где могли осуществляться подобные контакты. Автор данной статьи в рамках предварительной гипотезы допускает эти контакты в областях древней Эгеиды на рубеже конца IV – нач. III тт. до н.э. [18, с. 14-27; 21, с. 37-54]. С учетом весьма веских оснований того, что древние языки ливиио-гуанчской семьи когда-то были широко распространены и на ряде островов Средиземноморья и, вероятно, на побережье Средиземноморья не только Африки, но и Европы, дает право высказать осторожные предположения, что подобные языки могли быть распространены и на территории островов Эгеиды, то есть в непосредственной близости от ареала западнокавказской семьи языков.¹¹ Видимо, местом пересечения контактов, где встречался западносредиземноморский и причерноморский миры, должна была быть область где-то посредине средиземноморско-причерноморского очага, а именно – Эгеиде.¹²

Свидетельством активизации связей между областями Причерноморья и Средиземноморья, а также непосредственно областей Эгеиды, являются активные следы развития письменных «протознаковых» традиций, которые, несомненно, служат свидетельством активизации торгово-экономических связей. Как известно, помимо древневосточного очага письменности, хронологически почти одновременно шло формирование еще одного очага, Эгеидо-Циркумпонтийского, что, несомненно, свидетельствует о важнейшем векторе международной торговли в сторону Циркумпонтийской металлургической области. Таким образом, эти области были зоной, где первые попытки создания «протознаковых» систем были продиктованы активными торговыми связями, так как давно установлено, что эволюция письма изначально была связана с нуждами подсчета товаров. Несомненно, эта география контактов эпохи энеолита и бронзы не что иное как предтеча будущих контактов уже греческой и

¹⁰ Следует отметить, что эти данные основываются на весьма незначительном корпусе слов. Высказано мнение, что контакты эти хронологически относятся к V – нач. IV тт. до н.э. и происходили в Северной Сирии и Месопотамии [39, с. 34-42].

¹¹ Например, среди древнего населения создателей Минойской цивилизации могли быть какие-то реликтовые представители ливиио-гуанчской семьи. Однако, ради опять отметим, что это все носит крайне гипотетический вероятный характер как один из возможных вариантов.

¹² Однако надо помнить, что уже на раннем этапе становления архаичной культуры Крита, породившей феномен Минойской цивилизации, эти области были заселены как минимум несколькими группами народов, очевидно, генетически не родственными между собой. Среди них, несомненно, были и самые древние реликтовые языки индоевропейского круга, следы присутствия населения древней Анатолии, возможно, хаттского круга и, вероятно, Северного Африканского происхождения.

финикийской колонизации, которые по сути лишь возобновили эти старые связи в новых исторических реалиях. Обнаружение древних незначительных пока «протознаковых» систем в разных районах Причерноморья и Эгеиды и свидетельств их нахождения в областях Леванта рисуют нам еле проступающие контуры древних контактов еще дописьменного периода.¹³ Интересно в этой связи и то, что имели место попытки видеть в ряде письмен Эгеиды и вкрапления строя языков абхазо-адыгского круга, в частности, в линейном письме «А». Несомненно, география этих «протописьмен» свидетельствует о контактах населения западнокавказского этноязыкового круга с доиндоевропейским населением Эгеиды и других частей Средиземноморья периода расцвета мегалитизма [61, с. 165-167; 62, с. 86-88].¹⁴ Об этих контактах свидетельствуют географические следы распространения пока что не дешифрованного письма, известного как линейное письмо «А». Так, за пределами Крита это письмо отмечено хронологически периодом 1700 г. до н.э. и покрывает пространство от Восточного Средиземноморья (Тель-Хахор и Библ) до Адриатического побережья Италии (Монте Моррон). Известно это письмо и далеко во Фракии. Но самым интересным фактом стало то, что это письмо зафиксировано в Турции в местности Амис (Синоп) на южном побережье Черного моря, то есть в непосредственной близости от Черноморского побережья Кавказа. В этой связи интересно и то, что уже в позднеминойский и раннемикенский период Крита в линейном письме «Б» упоминается ряд известных областей Причерноморья, в частности, ра-ра-га-ко, то есть Пафлагонии и ко-ки-да или ко-ко-де-ја, то есть Колхида. Датируются эти данные периодом 1350–1200 гг. до н.э. Это, несомненно, свидетельствует о том, что письменная традиция «сумела успеть» зафиксировать более древние контакты между областями Средиземноморья и Причерноморья, восходящие еще к дописьменной эпохе [45, с. 155-159; 46, с. 303-311; 47, с. 118-119; 48, с. 22-28; 49, с. 14-19]. Здесь мы вплотную переходим к проблеме, которая в науке носит название «доколониционные» связи. Основной тор-

¹³ Обнаружение в Восточном Причерноморье «Майкопской» плиты, а в Западном Причерноморье – письма в виде так называемого «Тертерийского» письма до сих пор остаются дискуссионными в науке. Мы выскажем лишь нашу точку зрения, и суть ее такова. Несмотря на то, что они не получили в науке должного признания, вплоть до самого отрицания письменности как таковой, все равно наличие такой сложной знаковой системы однозначно свидетельствует о том, что общества отдельных областей Причерноморья шли по пути попыток создания как минимум протознаковых систем для торговых нужд. Возможно, они попросту не получили своего развития, так как местные общества сочли более удобным усвоение и использование уже существующих развитых письменных систем.

¹⁴ К сожалению, автору неизвестны другие работы подобного рода, и, разумеется, на основании такого незначительного корпуса информации не стоит делать далеко идущих выводов, и носит эта информация сугубо гипотетический характер.

гово-экономический интерес древних жителей Эгеиды в лице минойцев, а позже и индоевропейцев-микенцев были несомненно богатые и развитые металлургические центры побережья Черного моря, и, видимо, здесь следует искать следы лингвистических корреспонденций празападнокавказско-ливио-гуанчских (минойский период), а позже – празападнокавказско-древнегреческих (микенский период).¹⁵ Этих торговцев – носителей разных культурных миров – объединяли активные транссредиземноморские торговые контакты. Они и были теми, кто со временем привнес эту традицию строительства дольменов на Кавказ. Возможно, сами кавказцы видели эти дольмены либо по каким-то пока непонятным причинам были свидетелями этих погребальных традиций и этих ритуалов. Затем эта информация достигала берегов Кавказского Причерноморья. Необязательно, что бы они видели точные копии дольменов, они видели в областях того же Леванта, Малой Азии, западного Причерноморья и Эгеиды некие общие прототипы, которые послужили конструктивной концептуальной основой для будущих дольменов Кавказа. Вот почему абсолютной идентичности между дольменами Кавказа и Средиземноморья нет и не может быть, и не должно быть так, как на самом Кавказе впоследствии формировалась своя, если можно так сказать, архитектурная школа дольменотворчества. Несомненно, из всех областей «Большого Средиземноморья» где распространены дольмены именно на территории Кавказа эта традиция получила наиболее завершенные архитектурные формы. Сегодня сложно сказать, каким образом сюда на Кавказ проникли носители дольменотворчества, и в какой реальной обстановке осуществлялся сам механизм появления и распространения «дольменостроительной» идеи. Здесь могут быть несколько гипотетических сценариев.

1. Сюда на территорию Кавказского / Абхазского Причерноморья, совершила миграцию значительная группа переселенцев инородной этноязыковой природы. Тогда на этот счет порождаются новые вопросы, что это за этноязыковой инородный компонент где те географические рамки, откуда они мигрировали, и самое главное – причины, побудившие их к такой эмиграции.

2. Сюда проникает небольшая группа различной этноязыковой природы на почве распространения новой религиозной доктрины. Далее они стали генераторами передачи религиозной традиции, и со временем либо покинули эти прибрежные районы, либо растворились в местном окружении.

¹⁵ Все эти данные языкового характера, а также протописьменные системы, свидетельствуют, что области Эгеиды еще в энеолите и ранней бронзе были центрами торгово-экономических связей древних культур, среди которых были и представители западнокавказского языкового круга, включая сюда и хаттский, потому малозаметные следы контактов как будто бы и отмечаются в корреспонденциях между ливио-гуанчскими и западнокавказскими языками.

3. Ни о каком миграционном потоке, по сути, речь может и не идти. Скорее всего, появление традиции дольменотворчества следует связать с постепенным эстафетным распространением традиции «дольменотворчества» как части общеисторического феномена «мегалитизма». Связывать этот процесс следует в контексте активных торговых контактов населения Западного Кавказа с областями Малой Азии и Восточного Средиземноморья и Леванта.

Именно третий сценарий как будто бы и находит подтверждение, правда, пока единичным массивом данных. Именно во второй половине IV – начала III тт. до н.э. сюда проникают отдельные незначительные группы торговцев, которые знакомят местное население с идеей строительства дольменов, то есть выступают в роли передатчиков идеи дольменостроительства. Более того, и местное население могло иметь активные связи с населением других прибрежных районов Черного моря и, возможно, даже проникало с торговыми интересами в Эгейское море. Судя по географии, они шли, скорее, незначительными группами, и путь их, как не странно, не проходил по классическому маршруту вдоль западнокавказского побережья Грузии, а миновал этот район.¹⁶ Торговцы регулярно небольшими группами на кораблях приходили по пути, давно уже им известному, и оказывались на черноморском побережье Абхазии, по этому же пути двигались и торговцы с побережья Абхазии [13, с. 94-100; 22]. Видимо, эти незначительные группы и принесли с собой традиции дольменотворчества, и ими могли быть представители западнокавказского этнического мира. На протяжении некоторого времени происходил культурно-религиозный симбиоз, который породил религиозный синкретизм с культурами предшествующего периода. На черноморском побережье Кавказа смешение традиции «Протоколхидской» и дольменной культур породили такие синкретические формы, как «Отхарский» дольмен в кромлехе, а на Северо-Западном Кавказе смешение традиции «Майкопской» и дольменной культур породил такие синкретические формы, как «Новосвободненский» дольмен. Распространители идеи дольменотворчества были, несомненно, генераторами новых религиозных идей из числа самих представителей кавказского этнического мира, которые однажды занесли новую религию на свои родные берега.¹⁷ Однако не везде эта но-

¹⁶ В отношении Грузии не следует забывать, что там также присутствует ряд интересных памятников, которые тоже могут быть отнесены к мегалитическим сооружениям. Так, в Южной Грузии обнаружены и исследованы так называемые циклопические сооружения. [41, с. 164-165; 84, с. 123-124].

¹⁷ Сейчас идут активные исследования в области археоастрономии дольменов и изучения религиозного культового и ритуального содержания дольменной обрядовости. Данный аспект проблемы выходит за рамки задач данного исследования. Интересно отметить, что исследования в области археоастрономии также предполагают, что имела место инвазия идеи

вая религиозная доктрина получила распространение, как, например, к востоку от Кодора.¹⁸ Автор пока оставляет в стороне такой важный аспект, как религиозное содержание традиции дольменостроительства, выходящий за рамки статьи. Но отметим главное – дольменная традиция нашла живительную почву, так как находила много точек соприкосновения с религиозными воззрениями местного населения додольменного периода. Этим, возможно, и объясняется очень быстрое распространение данной религии и в собственно абхазо-адыгской среде, что четко фиксируется при наложении географии расселения абхазо-адыгов с географией распространения дольменов на Кавказе.¹⁹ В завершение статьи мы можем сделать ряд предварительных выводов.

1. Дольмены Абхазии и в целом Кавказа относятся к семейству традиции «камнестроительства», или «мегалитизма» Большого Средиземноморья и Большого Причерноморья.

2. Истоки «мегалитизма» в их самых ранних хронологических рамках следует связывать с волной неолитических приморских / прибрежных миграций вдоль южного Европейского и северного Африканского побережья Средиземного моря и вектора средиземноморских островов. Происходило это путем миграции как по сухопутной акватории, так и морским прибрежным путем уже с использованием лодок-протококораблей. Истоки этих Средиземноморских традиций следует искать в культурах Малой Азии и Северной Месопотамии периода раннего докерамического неолита с кругом культовых центров аналогичных Гебекли-тепе.

3. В эти ранние миграционные потоки могли быть вовлечены единственные претенденты – доиндоевропейское древнесредиземноморское население по сути лингвореликты в лице тирренской, баскской и ливиигуанчской семей языков, первых распространителей идей «мегалитизма» в Средиземноморье.

4. Непосредственно на территории Абхазии появление дольменов есть результат культурных, торговых контактов нашего населения с населением традиции мегалитизма и дольменотворчества, но не на уровне прямых контактов с центрами мегалитизма, например, в Западной Европе,

дольменостроительства на Кавказ из областей Восточного Средиземноморья и непосредственно Леванта [27, с. 133-138; 28, с. 1-39].

¹⁸ Возможно, новая религиозная доктрина не нашла поддержки, как, например, население к востоку от Кодора, которое не восприняло этот обряд, что не отражает обязательно некой этнической границы, якобы чуждой для дольменостроителей.

¹⁹ В основе культа дольменов лежат очевидно концепции перерождения, когда дольмен использовался и не только как комплекс солнцепоклоннического культа, но и как погребальная концепция *uterus*, как некое женское начало, утроба матери, нового рождения и некий промежуточный этап в сложении и осуществлении вторичного обряда захоронения.

а скорее, с эстафетным путем, ближайшие области этих контактов Эгеида – Малая Азия и Восточное Средиземноморье.

5. Наличие ряда важных, правда, пока не значительно выявленных языковых корреспонденций, которые фиксируются между языками северокавказского и непосредственно западнокавказского круга, всякого рода симптоматичные следы присутствия различных протознаковых систем как модели подсчета товаров, которые единичными вкраплениями широко отмечены, особенно в Эгеиде, а также наличие следов присутствия ряда архаичных субстратных языковых массивов в лице тирренской и ливиио-гуанчской семей позволяют именно эти области считать эстафетным генератором распространения идеи дольменотворчества на Кавказе.

6. Доказательством того, что именно Эгеида и Восточное Средиземноморье явились главными опосредованными территориальными генераторами идеи дольменотворчества являются ранние географические свидетельства о Кавказе и исторической области Колхиды, датируемые как минимум XIV в. до н.э. Несомненно, это говорит о том, что в письменной традиции успели зафиксировать информацию о более ранних контактах, которые осуществлялись между областями Кавказа и Эгеиды за два и даже три тысячелетия до их письменной фиксации.

7. Импульсом контактов и их причины, несомненно, крупные металлургические центры и, по сути, феномен дольменной культуры – это свидетельство самых ранних доколониционных связей Причерноморья с миром Большого Средиземноморья.

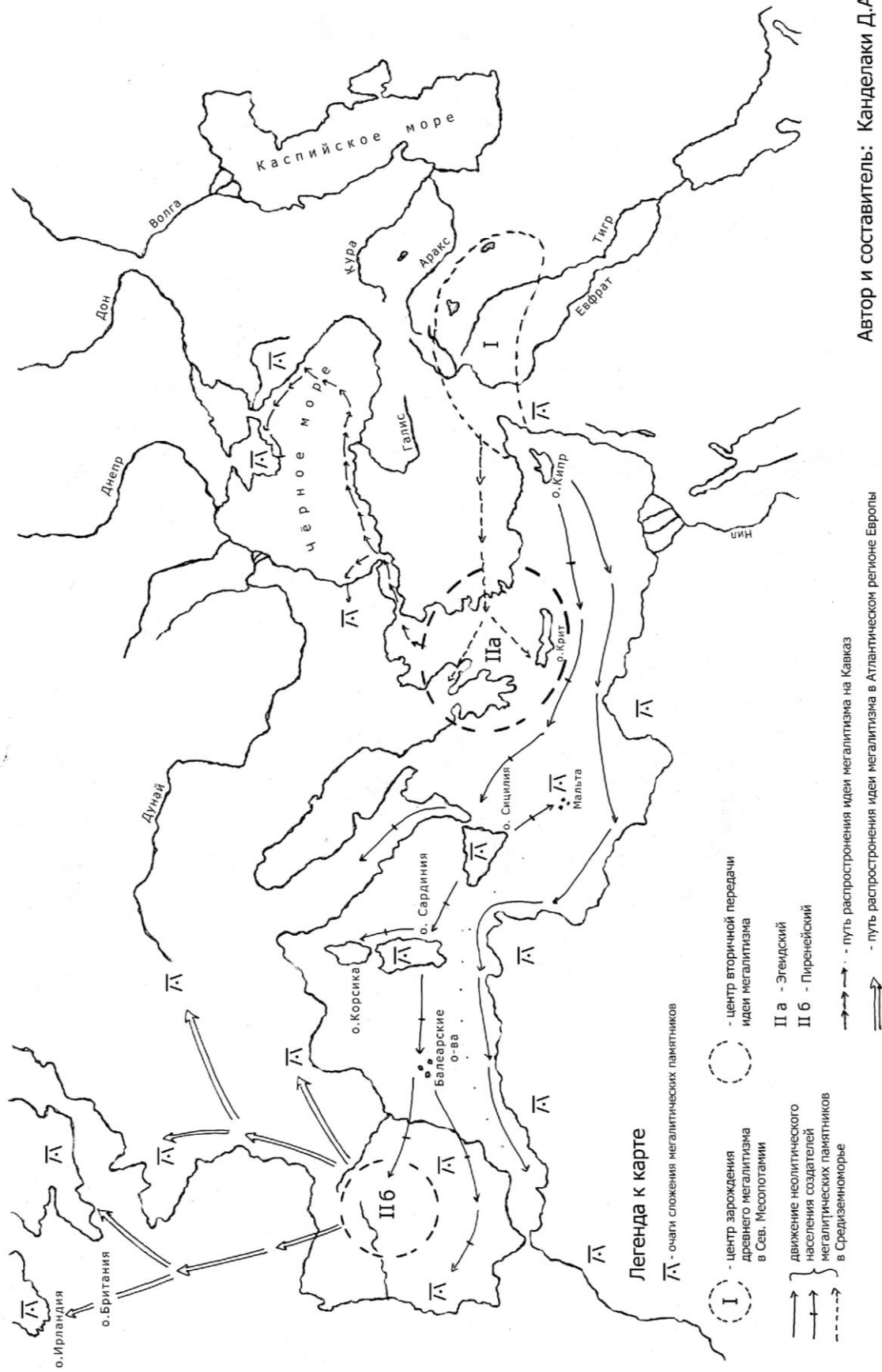
8. Дольмены Абхазии и в целом Северо-Западного Кавказа по своей архитектуре воплощают завершение эволюции дольменостроительства, и в этом смысле в лице дольменов на Кавказе следует видеть венец дольменотворчества как составной части феномена мегалитизма.

Список литературы и источников:

1. Анчабадзе, З.В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964.
2. Баюн, Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. Том I. Древняя Европа. – М., 1988. – С. 97-110.
3. Бжания, В.В. Кавказское Причерноморье – зона контакта майкопской, дольменной и протоколхидской культур эпохи раннего металла (IV – II тт. до н. э.). С. 5-12
4. Воронов, Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979.
5. Глазычев, В. Л. Зарождение зодчества. – М., 1984.
6. Григорьев, С.А. Мегалиты Урала в свете индоевропейской проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований. – М., 2010. – С. 195-204.
7. Джапаридзе, О.М. Дольменная культура Грузии. Труды ТГУ. – Тбилиси, 1959. – Т. 77. – С. 77 – 126.

8. Дмитриев, А.В. Архитектура дольменов Западного Кавказа (размышления на тему) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. 2020., – № 81. – С. 30-83.
9. Дмитриев, В.А. О метрологии дольменов Абхазии // Вторые международные «Иналиповские» чтения (Сухум, 11 – 13 октября 2011 года).– Сухум, 2016. – С. 326-349.
10. Долуханов, П.М. География каменного века. – М., 1979.
11. Дыбо, В.А. Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). IV // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах. Книга I. – М., 2006. – С. 75 – 94.
12. Жио, П.Р. Атлантические регионы Европы в эпоху Неолита // История человечества. – Т. 1. – М., 2003. – С. 600-619.
13. Золотарев, М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. – Цхалтубо, 1977. – Тбилиси, 1979. – С. 94-100.
14. Иванов, В.В. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток этнокультурные связи. – М., 1988. – С. 208-218.
15. Инал-ипа, Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов (материалы и исследования). – Сухуми, 1971.
16. Инал-ипа, Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Второе, переработанное и дополненное издание // Труды. Том III. – Сухум, 2011. – 688 с.
17. Казанский, Н.Н. Этническое и лингвистическое многообразие древних Балкан // Балканские чтения. Балканский тезарус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах. – М., 2019. – Вып. 15. – С. 13-16.
18. Канделаки, Д.А. Ранние этапы этногенеза западнокавказской (абхазо-адыгской) общности эпохи камня и палеометалла. Сборник материалов научных статей Национального музея Республики Адыгея. – Майкоп, 2014. – Вып. V. – С. 14 – 27.
19. Канделаки, Д.А. Хатты. Локализация. Идентификация. Хронология. Научное наследие Ф.А. Щербины. – Краснодар, 2016. – С. 51- 70.
20. Канделаки, Д.А. О географии древних путей Восточного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // 60-ая Итоговая научная сессия АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА посвящ. 200-летию П.К. Услара. – Сухум, 12-14 апреля 2016 года. URL: ponto-caucasica.org
21. Канделаки, Д.А. У истоков этногенеза абхазо-адыгов. Материалы VI Абхазской международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву. Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур.– Сухум, 2017. – С. 37-54.

Карта. Распространение традиций «МЕГАЛИТИЗМА»
в областях Средиземноморья и Причерноморья

Автор и составитель: Канделаки Д.А.

22. Кац, Т.П. К вопросу о периодизации древнейшей истории Сардинии // *Античный мир и археология*. – Саратов, 1979. – Вып. 4. – С. 191-204.
23. Кизилов, А.С., Пшеноков, В.А. Отражение данных «Аргонавтики» Аполлония Родосского в географических фактах Черноморского побережья Кавказа // *Археологические открытия на Кавказе и сопредельных регионах: хронология и интерпретация памятников*. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения выдающегося ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова (20-24 ноября 2016 г., г. Сухум) – Сухум, 2016. – С. 145-149.
24. Кизилов, А.С., Шариков, Ю.Н. Западная граница распространения ареала дольменов на Кавказе. V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 26 – 28 мая 2015 г.). – Краснодар, 2015. – С. 128-133.
25. Корниенко, Т.В. Храмы Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита. *Вестник древней истории*. – 2002., № 2. – С. 32-113.
26. Крупнов, Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // *Советская Археология*, 1964. № 1. МС. 26-43.
27. Кудин, М.И. Менгиры в дольменной культуре Западного Кавказа // VIII Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. – Краснодар, 2018. – С. 133-138.
28. Кудин М. И. Астрономическое и календарное значение петроглифов дольмена «Дудугуш-1». Реконструкция некоторых космологических мотивов в культуре строителей дольменов Западного Кавказа. URL: *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2021, № 9(1). – С. 1-39.
29. Куфтин, Б.А. Материалы по археологии Колхиды. – Том I. – Тбилиси, 1949.
30. Кэлас, Л. Мегалитические памятники Европы // *История человечества*, – Т. 1. – М.: ЮНЕСКО, 2003. – С. 630-649.
31. Лавров, Л.И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа*. – Сухуми, 1960., – Т. XXXI. – С. 101-178.
32. Мажена Шмит. Кавказ, дальние западные контакты в IV и III тыс. до н.э. Факты. Концепции. Дискуссии // *Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)*. Материалы Международной конференции и Гумбольдт-лектория (5-8 октября 2015 года, Санкт-Петербург). – СПб., 2015. – С. 94-97.

33. Марковин, В.И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. – Нальчик, 1974.
34. Марковин, В.И. Дольмены Западного Кавказа. – М.: Наука, 1978. – 328 с.
35. Марковин, В.И. Дольмены Западного Кавказа и морские миграции в древности // Първи Международен симпозиум Тракия Понтика I. Общая тема: «Черно море и средиземноморския свят». – Созопол, 9-12 октомври 1979 година. – София, 1982. – С. 108-124.
36. Марковин, В.И. К истории морских плаваний и миграций // Природа и человек. – М., 1988. – С. 83-119.
37. Марковин, В.И. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – Археология с древнейших времен до средневековья; в 20 т. – М.: Наука, 1994.
38. Марковин, В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. – 1997.
39. Миллитарев, А.Ю., Старостин, С.А. Общая афразийско-северокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 34-42.
40. Молчанов, А.А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. – М., 1992.
41. Нариманишвили, Г., Шаншашвили, Н. Мегалиты и культ предков на Южном Кавказе // Международная научная конференция «Археология. Этнология. Фольклористика Кавказа». (Батуми, 7-8 сентября 2006 г.). Сборник кратких содержаний докладов. – Тбилиси, 2007. – С. 164-165.
42. Николаев, С.Л. Севернокавказские заимствования в греческом и хеттском языках // Древняя Анатолия. – М., 1984. – С. 60-73.
43. Николаев, С.Л., Старостин, С.А. Севернокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 26-34.
44. Пиотровский, Ю.Ю. «Майкоп» и Древний Восток // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб., 1993. – С. 48-50.
45. Писаревский, Н.П. Древний Ближний Восток, Минойский Крит и Микенская Греция: проблемы стадияльного родства и различий. Дворцовая цивилизация и морское дело // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. – 2013. – С. 155-159.
46. Писаревский, Н.П. Островные общества Эгеиды эпохи бронзы и морской ландшафтный подход к их изучению в современной зарубежной археологии // Верхнедонской археологический сборник. – 2014., – С. 303-311.
47. Писаревский, Н.П. Древний Ближний Восток, Минойский Крит и Микенская Греция: проблемы стадияльного родства и различий // Исторические записки. – Воронеж, ВГУ. 2015., – 17. С. 118-119.

48. Писаревский, Н.П. Новейшие результаты исследования мореплавания и морских связей древнего Средиземноморья в зарубежной историографии и археологии // Научные ведомости. Серия: История. Политология. – 2018., Т. 45., № 1. – С. 22-28.
49. Писаревский, Н.П. Микены и Черное море // Вестник ВГУ. Серия: история; политология; социология. – 2019., № 2. – С. 14-19.
50. Пхакадзе, Г.Г. Некоторые соображения о дольменах Абхазии // Международная конференция «Археология» (IV) и «Этнология» (III). – Кавказ. – Тбилиси, – 2002.
51. Пхакадзе, Г.Г. Колхидская раннебронзовая культура // Археология Кавказа. – Тбилиси, 2009 – 2010., – № 2 – 3. – С. 74-81.
52. Резепкин, А.Д. О распространении дольменов Западного Кавказа // КСИА. 1982. Вып. 169. – С. 32-38.
53. Резепкин, А.Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. – 1988. – С. 156-163.
54. Резепкин, А.Д. К вопросу о классификации дольменов и погребальном обряде «дольменной культуры» // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). – Тула, 2010. – С. 412-422.
55. Рысин, М.Б. Датировка комплексов из Эшери // Советская археология, 1990. – № 2. – С. 18-27.
56. Рысин, М.Б. Датировка комплексов из Эшери // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1990., Вып. 199. – С. 9-16.
57. Рысин, М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – СПб., 1997. – Археологические изыскания. – Вып. 46. – С. 85-123.
58. Рысин, М.Б. Майкопская общность и генезис культуры строителей дольменов // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1991. – С. 48.
59. Сафронов, В.А. Кавказ в раннебронзовую эпоху и проблема локализации индоевропейской прародины («кавказский узел индоевропейской проблемы») // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 82-86.
60. Сафронов, В.А. Индоевропейские прародины. – Горький, 1989.
61. Сергеев, В.М. Структурный анализ текста и проблема идентификации языка диска из Феста // Структура текста – 81. Тезисы доклада симпозиума. – М., 1981. – С. 165-167.
62. Сергеев, В.М. К вопросу о фонетической структуре языка минойского «А» // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 86-88.
63. Сергеев, В.М., Цымбурский, В.Л. Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию письма //

Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – С. 89-92.

64. Смирнов, А.М. Пустой дольмен: утрата источника или норма погребальной практики // *Stratum plus*. – № 2. 2010. – С. 169-184.

65. Смирнов, А.М. "Ограбленные" дольмены Кавказа и биллокальный погребальный обряд // *Stratum plus*. – № 2. 2015. – С. 111-118.

66. Снисаренко, А.Б. Курс – Море Мрака (четыре шага за пределы ойкумены). – М., 1982.

67. Снисаренко, А.Б. Властители античных морей. – М., 1986.

68. Соловьев, Л.Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа*. – Сухуми, 1960. – Том XXXI. – С. 69-100.

69. Требелева, Г.В., Сакания, С.М., Кизилов, А.С., Глазов, К.А., Кудин, М.И., Марков, Д.Н. О географическом распространении культуры строительства дольменов на Кавказе: к вопросу о южной границе // *Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география*. – 2021., – № 5. – С. 76-84.

70. Трифонов, В.А. 1983. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // *КСИА*. – 1987. – Вып. 192. – С. 18-26.

71. Трифонов, В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // *МАЕ*. – СПб., 1996.

72. Трифонов, В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // *Дольмены – свидетели древних цивилизаций*. – Краснодар, 2001.

73. Трифонов, В.А., Зайцева, Г.И., Плихт, Х., Бурова, Н.Д., Семенцов, А.А., Ришко, С.А. Первые радиоуглеродные даты альтернативных форм погребального обряда «дольменной» культуры на Северо-Западе Кавказа // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова*. – Кн. 2. – СПб., 2012. – С. 100 - 107.

74. Трифонов, В.А., Крайнева, А.А., Зайцева, Г.И., Плихт, Х., Богомолов, А.А., Бурова, Н.Д., Семенцов, А.А., Ришко, С.А. Дольмен «Шепси» и ранние формы коллективных мегалитических гробниц на Северо-Западном Кавказе // *Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. Тезисы докладов круглого стола, посвященного памяти Н.Я. Мерперта. 5-7 февраля 2013* – М.: ИА РАН, 2013. – С. 37-38.

75. Трифонов, В.А. Горы и равнины: Модель культурного развития Западного Кавказа в V – III тыс. до н.э. // *Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога (к 140-летию Александра А. Миллера)*. Материалы Между-

народной конференции и Гумбольдт-лектория (5-8 октября 2015 года Санкт-Петербург). – СПб., 2015. – С. 115-119.

76. Федоров, Я.А. О дольменной культуре Западного Кавказа и их носителях (в порядке постановки вопроса) // Вестник Московского Государственного Университета, Серия: История, – 1974., – № 4. – С. 78-94.

77. Цвинария, И.И. Новые памятники дольменной культуры Абхазии. – Тбилиси, 1990.

78. Цвинария, И.И. Строительное дело и архитектура Абхазии в эпоху бронзы // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. – Сухум, 2004. – Вып. III. – С. 3-29.

79. Чайлд, Г.У истоков европейской цивилизации. – М., 1957.

80. Чередниченко, А.Г. Индоевропейская проблема и Эгеида // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2011., – № 7 (102). – Выпуск 18. – С. 5-16.

81. Черных, Е.Н., Орловская, Л.Б. Радиоуглеродная хронология Майкопской археологической культуры // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала, 2007. – С. 10-27.

82. Чирикба, В.А. Баскский и северокавказские языки // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 95-105.

83. Шамба, Г.К. Эшерские кромлехи. – Сухуми, 1974.

84. Шаншашвили, Н., Нариманишвили, Г. Раскопки «циклопических» поселений в Цалском районе // Археологическая конференция Кавказа – I. Краткие содержания докладов. – Тбилиси, 1998. – С. 123-124.